

Лилия Быкова

Теоретические проблемы морфологической категории числа существительных и ее функциональный аспект

Studia Rossica Posnaniensia 20, 177-190

1988

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ЕЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
THE QUESTION OF MORPHOLOGICAL THEORY OF CATEGORY OF NUMBER
— FUNCTIONAL ASPECT

ЛИЛИЯ БЫКОВА

In the article the author discusses the question of invariant meaning of category of number and undertakes an attempt at separation of grammatical and functional aspects.

Лилия Быкова, Харьковский университет им. М. Горького, Кафедра русского языка, пл. Дзержинского 4, Харьков, СССР.

I. основополагающие положения по функциональной морфологии (ФМ) изложены в работах советского языковеда А. В. Бондарко¹.

В самом общем виде задачи ФМ сводятся к тому, чтобы исследовать значения морфологических категорий (МК), функционирование грамматических форм (ГФ) в языке и речи.

Ученый сформулировал положение о несимметричности, неправильности категориальных структур, которое объясняется распределением содержаний, которые могли быть выражены грамматически, между морфологией, синтаксисом, лексикой, контекстом, различными сложными и комбинированными средствами выражения, включая и скрыто грамматические².

I функционирование МК невозможно рассматривать вне связи с ее содержанием. Содержание МК имплицитно выводится из элементарного функционирования в минимальном значимом контексте, репрезентирующем грамматическую оппозицию (*Стоит стол. — Стоят столы. Идет дождь. — Начались дожди*). При анализе собственно функционирования основное содержание МК уже является в определенном смысле данным, которое в разных контекстах способно выполнять различные коммуникативные задачи. Поэтому целесообразно начать с вопроса о содержании МК числа имен существительных.

¹ А. В. Бондарко, *Грамматическая категория и контекст*, Ленинград 1971; *Теория морфологических категорий*, Ленинград 1976; *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*, Ленинград 1983.

² А. В. Бондарко, *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*, указ. соч., с. 21 и далее.

МК — это система ГФ — специализированных, всеобъемлющих, стандартных, замкнутых, одномерных, но контекстуально многозначных.

В схеме классификаций МК А. В. Бондарко морфологическая категория числа (КЧ) имеет следующие релевантные признаки.

Обладает свойствами обязательности, регулярности, стандартности.

Является номинативной, значимой, т.к. отражает разные объекты действительности (*дом — дома*).

Является словоизменятельной. Этот взгляд на МК числа является традиционным для исследователей, так или иначе ограничивавших оппозиции в числе лишь конкретными числоизменяемыми словами — В. В. Виноградов³, А. А. Реформатский⁴, М. В. Панов⁵, А. И. Смирницкий⁶, С. Д. Кацнельсон⁷, Е. С. Кубрякова⁸ Гр-70⁹, АГ-80¹⁰ — факты лексикализации относились к словообразованию, а обязательность и регулярность числа признавалась достаточной для обобщения. Признание МК числа в целом словообразовательной категорией для современной русистики нехарактерно — оно было основано на понимании отношений один/много как разных предметов мысли и поддерживалось апелляцией к так называемой лексикализации — Ф. Ф. Фортунатов¹¹, А. М. Пешковский¹², П. С. Кузнецов¹³.

Является синтагматически обуславливающей (имеет сильную репрезентацию синтагматических элементов в функциях согласуемых словоформ).

Не обладает синтаксической значимостью (в смысле влияния грамем на тип синтаксической структуры).

Морфем числа, выступающих в алломорфах, только две, и они, действительно, многозначны в разных группах слов и в разных контекстах.

Асимметричность МК числа связана с наличием числонеизменяемых слов — *St* и *Pt*. Слова *St* обозначают непрерывистые недискретные, несчисляемые с помощью количественных числительных, в общем неопределенные объекты — это неизменяемые по числам существительные собирательные

³ В. В. Виноградов, *Русский язык*, Москва 1947, с. 148 и далее.

⁴ А. А. Реформатский, *Число и грамматика*. В кн.: Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова, Москва — Ленинград 1960, с. 398 - 399.

⁵ М. В. Панов, *Русский язык*. В кн.: Языки народов СССР, т. I. *Индоевропейские языки*, Москва 1966.

⁶ А. И. Смирницкий, *Лексическое и грамматическое в слове*. В кн.: Вопросы грамматического строя, Москва 1955, с. 29.

⁷ С. Д. Кацнельсон, *Типология языка и речевое мышление*, Ленинград 1972, с. 28.

⁸ Е. С. Кубрякова, *Асимметрия смысловых структур и ограничение словообразования от других типов морфологической деривации*. В сб.: *Русский язык, вопросы его истории и современного состояния*, Москва 1978, с. 22 - 29.

⁹ *Грамматика современного русского языка*, Москва 1970.

¹⁰ *Русская грамматика*, т. I, Москва 1980.

¹¹ Ф. Ф. Фортунатов, *Избранные труды*, т. I, Москва 1956, с. 155 - 156.

¹² А. И. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва 1956, с. 31.

¹³ П. С. Кузнецов, *О принципах изучения грамматики*, Москва 1961, с. 45.

(*дворянство, листва, молодняк*), вещественные (*золото, молоко, паутина*), отвлеченные (*белизна, смелость, перестраивание*). Границы St определить чрезвычайно трудно даже на уровне общелитературного узуса, потому что при возможности понимания лексемы как знака дискретной единицы или актуализации значения „вид, разновидность” создается возможность выхода во множественное число из этих принципиально „открытых ворот”. В профессиональном языке: *бронзы, хрустали, меди, ртути* (вещественные существительные), *мощности, нагреваемости, освещаемости* (отвлеченные), *аппаратуры, клавиатуры* (собираательные); в публицистическом стиле: *вооружения, общности, дефициты, инициативы, педагогики, драматургии, уравниловки, противоборства*. При эстетической трансформации средств общенародного языка в художественной речи принципиально нет St: *холодности, веселости* (А. Грибоедов), *разосланные погони* (Н. Гоголь), *жары стоят* (Н. Некрасов), *думы и веры, обе воли* (А. Блок), *четыре отряды* (В. Брюсов), *хвалы и хулы* (И. Бунин), *толщины сборок* (К. Петров-Водкин), *роскоши и неги* (С. Рахманинов), *посуды, пурги, любви, грусти, старости* (Е. Евтушенко), *природы, хулиганства, лжи, заграницы* (А. Вознесенский), *молоки* — от *молоко, любви* (М. Шолохов) и неопределенное множество других.

Образование множественного числа, таким образом, находится в соответствии с признаком действительной или условной считаемости (см. об этом ниже).

В классах слов Pt объединяются счисляемые существительные (*сани, ножицы, сутки, именины, каникулы*) и несчисляемые (*деньги, недра, сласти, белила, дрожжи, помои, хлебпродукты, будни, сумерки*), причем границу счисляемости определить трудно (сомнительным кажется, например, отнесение в АГ-80 к несчисляемым слов: *мемуары, мощи, письма, чары, святки*). Pt является жесткой формой. „Вычленение единственного числа при наличии современной языковой нормы представляет собою не более чем «языковую игру»: *деньга, мемуар, финан, миазм, кривотолк*” (подобные примеры приводились Е. А. Земской в ее работах по русской разговорной речи).

В отношении формальной единичности (множественности) вступают многозначные лексемы. Не каждому значению граммы ед. числа соответствует то же самое значение граммы мн. числа (ср. *час* — *часы/часы* „механизм” Pt; *стол* — *стола/стол* „питание” St). Отношения между ед. и мн. числом могут быть чисто формальными (*очко* — *очки/очки* Pt; *мощь* St — *мощи* Pt). Во внешне коррелятивных парах несчисляемых существительных могут выступать нестандартные, нечисловые отношения. Феномен расхождения значений форм ед. и мн. числа получил общее название лексикализации (см. об этом ниже).

Все эти обстоятельства, а также приписывание формам числа чисто контекстуальных, функциональных значений создают значительные трудности как в плане понимания грамматического значения числа, так и в аспекте лексикографического отражения многозначности или даже омонимии лексем.

Сознательное исключение несчисляемых существительных как нерелевантных для понимания содержания категории (Гр-70, АГ-80 А. А. Реформатский¹⁴, Л. А. Новиков¹⁵ и др.) упрощает положение дела: в группах счисляемых существительных в соотношениях ед. и мн. числа на поверхности лежат отношения „один/более чем один”, т.е. чисто количественные отношения разделительной множественности. Числоизменяемые слова и несчисляемые существительные в этой концепции рассматриваются как имеющие лишь внешнюю форму, но не значение числа (ср. *молоко-сливки, мрак-сумерки, щи-рассол, нефть-аппатиты*). Принятие количественной теории числа не устраняет, однако, сложности определения границы и условий числоизменяемости (границы St и Pt), границы счисляемости, автоматически ведет к отнесению корреляции между ед. и мн. числом у несчисляемых существительных к словообразованию (*дождь — дожди, вино — вина, лед — льды, боль — боли*), унифицирует разные отношения между ед. и мн. числом при раздельной множественности (*туфли — пара; зубы, кишки — многосоставность* и т.д.), не нацеливает на необходимость оперирования не лексемами, а лексико-семантическими вариантами, т.е. отдельными значениями, поскольку числоизменяемые единицы, St и Pt могут быть связаны узлом многозначности 1) *камень* „порода” St, 2) *камень* „отдельный” — *камни*, 3) *камни* „болезнь” Pt).

Наиболее принятым является объединение в системе числовых отношений всех имен, включая и несчисляемые (заданные словарем Pt в формальные оппозиции не вступают, но могут быть связаны с числоизменяемыми словами или St отношениями многозначности или омонимии). Такой подход к КЧ, помимо сложностей разделительной множественности (см. выше), содержит и более значительные. В сферу внимания попадают все отношения между формально соотносительными граммемами ед. и мн. числа, и перед исследователем встает задача квалификации этих отношений.

Если мн. число соотносится с ед. числом, уже имеющим коррелятивную пару со значением раздельной множественности (т.е. являющимся счисляемым), то это множественное представляет собою новое, особое значение лексемы, т.е. перед нами отношения не грамматические, а словообразовательные 1) *поле — поля*, 2) *поля шляпы*; 1) *записка — записки*, 2) *ученые записки*; 1) *вес — весы*, 2) *весы* „механизм”). Расслоение значений, параллельное соотношению чисел, поддерживается различием денотатов. В такие же отношения вступают формы чисел и при изоляции ед. числа 1) *атмосфера — атмосферы*, технич. 2) *атмосфера дружелюбия* St; 1. *лайка — лайки* „собаки”, 2) *лайка* „кожа” St).

Мн. число, соотносимое с несчисляемым ед. числом, т.е. не имеющим

¹⁴ А. А. Реформатский, указ. соч., с. 398.

¹⁵ Л. А. Новиков, *Лексикализация форм числа существительных в русском языке*, „Филологические науки” 1963, № 1, с. 82.

коррелята с раздельной множественностью, имеет нечисловое значение: *снег* — *снега* „продолжительность, пространство”; *дождь* — *дожди* „продолжительность”; *сталь* — *стали* „сорта, виды”; *красота* — *красоты* „красивые места, явления”; *мозг* — *мозги* „кушанье”; *волнение* — *волнения* — указание на разные поводы состояния; *сила* — *силы*, *масса* — *массы*, *одежда* — *одежды* — присутствует лишь самое общее значение „много”; *тело* (в значении „масса”) — *тела*, *мясо* — *мяса* — значение интенсификации; *время* — *времена*, *небо* — *небеса* — различия в употреблении, но сема „много” не стерта окончательно — и т.д. Исследователь стоит перед необходимостью признать такие (и многие другие при несчисляемости) отношения грамматическими (одно значение) или семантически словообразовательными (разные значения — St и Pt).

На разном материале, не ставя перед собой задачи обобщить и сформулировать грамматическое значение числа, часто ставя в одну плоскость словарные значения коррелятов и их контекстное функционирование, исследователи называют множество значений ед. и мн. числа (в коррелятах и вне их), иногда употребляя безразлично слова „значение” и „употребление”. Семантическое расслоение слов ед. и мн. числа на значения тоже не всегда принимается во внимание. Так, у ед. числа (с учетом коррелята и безотносительно к нему) выделяются значения раздельной единичности: *Лежит книга*, обобщенно-собирательное: *Книга* — *лучший подарок*, распределительное: *Собаки бежали, поджав хвост* (АГ-80, т. I, с. 472); сплошного множества, принятого как единица или как множество: *Студенчество выступает*, собирательного множества: *Здесь в изобилии растут: дуб, бук, граб* (М. В. Панов)¹⁶, определенности и множественности в собирательных существительных St (*студенчество*, *листва*), неопределенности в группах вещественных и отвлеченных существительных St: *сахар, нефть, белизна, смелость* (И. И. Ревзин)¹⁷ и другие значения.

Если значения ед. числа определяются в основном по линии функциональной нагрузки (ед. число несчитаемых вещественных и отвлеченных в общем остается вне значения числа), то у мн. числа выделяется большое количество значений и как у класса в целом и в формально коррелятивной паре, и даже в семантических разрядах и в функционировании. В АГ-80 (т. I, с. 472): совокупность лиц и предметов как расчлененное множество, не поддающееся исчислению (*англичане, русские, журналисты, спортсмены, офицеры, солдаты, гости, грибы, ягоды, помидоры, волосы, кружева*), парность (*сапоги, чулки, глаза*), отстранение от конкретной единичности (— *Я представитель прессы... —*

¹⁶ *Русский язык в советском обществе. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*, Москва 1968, с. 165.

¹⁷ И. И. Ревзин, *Немаркированное множественное число в современном русском языке*, Москва 1968.

Представители пусть приходят утром — П. Нилин); у Л. К. Чельцовой¹⁸: родовое определение (*кастаньеты, кавычки*), обобщенно-родовое (*пиломатериалы, хлебпродукты*), сложносоставность (*аксельбанты, ширмы, тенета*), действие и состояние как сложное явление (*аплодисменты, вакации, прикрасы*) и др.; у М. В. Панова¹⁹: результат по отношению к действию (*полив — поливы, высадка — высадки*), многоактность по отношению к одноактности (*высевка — высевки*), конкретные проявления и степени качества (*емкости, мощности*), обобщенное значение (*У меня гости: дочка Скобеевского доктора приехала* — А. Фадеев), эмоционально-экспрессивное умножение (*Вы тут обедали, а нас по милициям водили.* — А. Макаренко) и др.; у И. И. Ревзина: значение множественности и неопределенности (*столы, дома*), значение неопределенности (*белила*).

Если отвлечься от собственно функциональных характеристик, от общих признаков классов вещественности, собирательности и отвлеченности, от семантических признаков слов St и Pt, то главными проблемами теории числа станут осложнение дополнительными смыслами в корреляциичисляемых существительных и отношения в формальных парах при несчитаемости (являются ли эти последние грамматическими или относятся к лексикализации).

Начиная с классической работы А. А. Потебни *Значения множественного числа в русском языке*, в русистике ведутся исследования этого явления. В. В. Виноградов²⁰ рассматривал такие факты суммарно, без расслоения слова по многозначности в связи с формами ед. и мн. числа — в центре внимания был лишь разрыв значений и фразеологизация (*хлеб — хлебы, долг — долги, час — часы, голова — в головах*).

Ряд исследователей, специально изучавших это явление на том или ином материале, не ставил перед собою задачи определения границ лексикализации, соотношения этих явлений с грамматическим значением числа или самый материал был преимущественно „словарным” и сомнений в смысле лексикализации не вызывал (*выбор — выборы, низ — низы, средство — средства, хор — хоры* „место, где располагаются певчие”)²¹.

Есть исследования, в которых деривационная корреляция понимается широко и захватывает явления, не основанные на количественных отношениях, но очень близкие к ним: *привес — привесы, подсчет — подсчеты, поиск —*

¹⁸ Л. К. Чельцова, *Форма множественного числа как исходная форма в лексикографии*. В сб.: *Грамматика и норма*, Москва 1977, с. 106 - 144.

¹⁹ *Русский язык и советское общество*, указ. соч., с. 150, 154, 156.

²⁰ В. В. Виноградов, указ. соч., с. 148 и далее.

²¹ Д. И. Арбатский, *О лексических значениях форм множественного числа имен существительных в современном русском языке*, „Филологические науки” 1958, № 4, с. 73 - 74; Л. А. Новиков, указ. соч., с. 77 - 87.

поиски (процесс и результат), *скорость* — *скорости*, *мощность* — *мощности* (разные проявления признака) — А. И. Сумкина²².

Концепция лексикализации П. А. Соболевой²³ направлена на разграничение грамматических значений числа — и лексикализации. Автор решает проблему отношений между формами чисел довольно сложно, но очень глубоко: изменяемость по числам связывает с соотносительностью лексико-семантических вариантов лексемы; выделяет группы гетерогенных (1. *низ*, 2. *низы*) и гомогенных (*нога*, *бледность*) существительных относительно категории числа; рассматривает отношения между формами ед. и мн. числа во всем комплексе значений — по горизонтали и вертикали; дифференцирует одночисловые (*мрак*, *ножницы*) и двучисловые (*стол*, *акварель*) слова; однооформленные и разнооформленные по числу лексико-семантические варианты. Проблему лексикализации автор решает с большими ограничениями: не все случаи разрыва основных числовых отношений между разными лексико-семантическими вариантами, а только такие, в которых происходит „некоторый сдвиг значения слова во множественном числе по сравнению с его значением в чисто грамматическом множественном числе, т.е. множественным разделительным”²⁴ (*барашек* — *барашки* — *барашки* „волны”, *верхушка* — *верхушки* — *верхушки* „часть общества”, *блошка* — *блошки* — *блошки* „игра”, *ряд* — *ряды* — *ряды* „магазины”, *пики* — *пики* — *пики* „карты”, *верхи*, *зады*, *низы*). Автору принадлежит идея связи лексикализации (превращения в Рt) вторичных форм при наличии „обычной” формы мн. числа.

Для проблемы значения числа существенное значение имеет выделение П. А. Соболевой грамматических (в отличие от лексикализации) отношений между формами ед. и множ. числа: числовые (*дом* — *дома*); сорт, вид у вещественных существительных (*вино*: 1) напиток, 2) сорт — *вина*); инстанции качества (*глупость* — *сделать глупость*, *глупости*); многосоставность (*зубы*, *кишки*, *ногти*, *ресницы*, *куплеты*); парносоставность (*руки*, *крылья*); протяженность в пространстве и времени (*снега*, *льды*, *ветры*, *дожди*); значение пространства, покрытого веществом или растительностью (*пески*, *грязи*, *овсы*, *озими*); интенсивность (*боли*, *муки*, *переживания*); сложносоставность по совокупности орудий (*кегли*, *блошки*). Эти отношения, по мнению автора, в открытых рядах морфологические, в закрытых — ближе к словообразовательным (проблему грамматического и словообразовательного в числовой корреляции автор не считает решенной). Кажется, однако, что отношения в числяемых существи-

²² А. И. Сумкина, *Деривационные корреляции существительных в формах множественного числа*. В сб.: Развитие грамматики современного русского языка, Москва 1964, с. 210 - 222.

²³ П. А. Соболева, *Лексикализация множественного числа и словообразование*. В сб.: Лингвистика и поэтика, Москва 1979, с. 47 - 85.

²⁴ Там же, с. 66.

тельных базируются на смысле „один/много”: сложносоставность (*кишки, ногти*) и парносоставность (*руки, крылья*) — это ракурс раздельной множественности, обусловленный экстралингвистически. Сюда можно подключить и названные выше отношения: расчлененное множество, не поддающееся исчислению (*англичане, спортсмены, помидоры*), родовое определение (*кавычки, кастаньеты, аксельбанты, ширмы*) и др. — короче, эти отношения при счисляемости в принципе не могут отойти от числовых значений.

При отсутствии счисляемости картина более сложная. Отношения типа *вино — вина* П. А. Соболева расчленяет на два значения, и тогда *вино* „напиток” остается St, а второе значение входит в обычную числовую корреляцию (*сорт — сорта*). Не проявляя непоследовательности, так же следует поступить и с отношениями *глубина — глубины, измерение — измерения* — развести их по двум значениям: Si и конкретное, числоизменяемое. В значениях протяженности в пространстве и времени (*пески, грязи, овсы, ржи; дожди, ветры, штиты, штормы*), интенсивности (*боли, муки*) и многих других, не отмеченных здесь П. А. Соболевой нечисловых случаях (см. приведенные выше отношения: *сила — силы, масса — массы, одежда — одежды, тело — телеса, время — времена*, а также отглагольные имена, не подвергшиеся видимой конкретизации, а потому несчисляемые: *волнения, отношения, тревоги, страхи, утешения, старания, поиски* и т.д.²⁵) приходится усматривать корреляцию.

Можно считать, что для определения отношений при несчитаемости нужно быть уверенным в том, что данный лексико-семантический вариант действительно является таковым, выявить его отношения со считаемым вариантом и, если такого не имеется (*дождь, снег*) или он в отношении с ним не входит (*вино — вина*), остается говорить о корреляции (*дождь — дожди, ветер — ветры*) или семантическом обособлении (*вино, сталь, радость, глубина; измерение, сцепление, обвинение, документация, крепление* — как процесс — St). Отношения эти выявляются лишь при детальном анализе многозначности каждой отдельной лексемы.

Трудно охватить лексический материал для того, чтобы сделать обобщения. И тем не менее коллективный анализ материала и представленная здесь закономерность (а также путь анализа) позволяют высказать предположение, что при корректном сопоставлении значений и у счисляемых существительных (в явном виде), и у несчисляемых (фигурально, как общий смысл „много”) присутствует значение „один/много”. Это значение можно считать для отношений в корреляции инвариантным значением числа. За пределами корреляций остаются слова (и лексико-семантические варианты) числоизменяемые, несчитаемые — St и Pt. Независимо от формы числа, под давлением модели

²⁵ Отношения между отвлеченным значением действия-процесса и считаемыми предметными значениями (объекта, субъекта, места, времени и т.д.) анализировались неоднократно в специальных работах, в том числе и П. А. Соболевой.

„один/много”²⁶, они реализуют эти отношения не как числовые (их быть не может), а как квалификативные, т.е. обозначают „один вид/несколько разных видов”: *старые и новые деньги, тот и другой молодняк, эта нефть, тот мрак, прошлая и нынешняя храбрость*.

В качестве квантофов на основе некоторых, выделенных А. А. Уфимцевой²⁷ и С. Д. Кацнельсоном²⁸, можно назвать для значения единичности: *этот, тот, такой, который, какой-то*; для множественности: *каждый, всякий, любой, никакой, эти, те, такие, которые, какие-то, те и другие*, сочетаемость двух прилагательных (в соответствии с заданной формой числа существительных: *всякий мрамор, всякие чернила* — много видов; *эта нефть, эти белила* — один вид; *красный и зеленый мрамор, красные и зеленые чернила*).

Кваликативная ипостась количественности, эксплицитная в числе-изменяемых несчисляемых лексемах, эксплицирует это значение и в конкретных существительных (*этот стол — тот и другой стол*, т.е. *два стола*), с той разницей, что во втором случае это значение не представляется существенным, не анализируется. Кваликативная множественность в известном смысле стоит над квантитативной, потому что охватывает все лексемы и лексико-семантические варианты, независимо от числоизменяемости и формы числа. Это, в частности, освобождает от необходимости создавать несловарные формы мн. числа.

О кваликативной множественности в тех или иных выражениях упоминали многие языковеды. Н. Д. Арутюнова²⁹ писала о том, что единичность нужно понимать не только в количественном, но и качественном отношении. С. Д. Кацнельсон³⁰ утверждает, что в типологическом плане универсальны лишь содержательные функции числа, что между формальным согласованием и содержанием обнаруживаются гетерогенные отношения, незаполненное пространство, а квантитативная квалификация субстанции может выражаться с помощью аналитических способов.

А. А. Зализняк³¹ вообще считает категорию числа самодовлеющей, не связанной с лексикой. В существительных St усматривает не только внешние признаки числа, но и обычное значение ед. числа (*лай, гордость, мед*), от которого при возникновении потребности обозначить несколько объектов образуется мн. число. Неконкретные имена Pt, по мнению А. А. Зализняка, имеют дефектную парадигму, но им не чужда идея единичности и множественности, хотя со словами счета они не сочетаются (*синие и зеленые чернила*).

²⁶ „Входя в ту или иную систему ... знак, благодаря своему постоянному значению, получает определенную внутрисистемную значимость” (*Языковая номинация*, Москва 1977, с. 34).

²⁷ А. А. Уфимцева, *Типы словесных знаков*, Москва 1874, с. 160.

²⁸ С. Д. Кацнельсон, указ. соч., с. 28.

²⁹ Н. Д. Арутюнова, *Предложение и его смысл*, Москва 1976, с. 256.

³⁰ С. Д. Кацнельсон, указ. соч., с. 30.

³¹ А. А. Зализняк, *Русское именное словоизменение*, Москва 1967, с. 57 - 60.

А. В. Исаченко³² сделал попытку выделить единое инвариантное значение числа/чисел на материале всех лексем — числоизменяемых и нечислоизменяемых. По его мнению, это значение состоит в оппозиции двух исключаящих друг друга смыслов: мн. число — расчлененность (внешняя: *столы*, внутренняя — *штаны*), ед. число — невыраженная расчлененность, т.е. ее отсутствие (*стол*, *профессура*, *листва*). Исходя из того, что отношения в парах различны (и по мнению автора, далеко не всегда количественны), А. В. Исаченко находит инвариантное значение числа не в парах, а в отношениях: класс слов единственного числа/класс слов множественного числа. Точка зрения А. В. Исаченко принимается некоторыми исследователями (в частности, П. А. Соболевой — и не противоречит принятому в ее работе направлению анализа). Отрицание количественного значения вообще в формальных парах представляется крайностью (хотя бы на фоне выдвигаемого самим же автором тезиса о расчлененности всех Рт: *сливки*, *чернила*). Нерасчлененность/расчлененность логически не может не быть связана с грамматическим значением один/много и неизбежно ведет к экстраполяции на „пары” коррелятов. Расчлененность как внутренняя множественность и позволяет „открыть ворота” Рт (*миазм*, *выкрутас*). При учете условности несчитаемости, путем корректного и детального анализа можно увидеть в отношениях скрытую множественность, которая не является результатом „простого умножения денотатов”, а лишь включает в себя смысл „много” в разных формах его языкового выражения. Лексемы мн. числа требуют очень тщательного семантического анализа, в соотношении со значениями ед. числа: *лежит снег* („масса”) — *идет снег* — *повалили снега*, *все время снег* — *снега* (долго, т.е. много во времени) — *кругом снега* (т.е. много пространства, покрытого снегом); *ветер* (экзистенция) — *ветры* (продолжительные или сильные, т.е. „много”); *дождь* — *два раза шел дождь* — *дожди* (долго, т.е. „много”); *боль* (нерасчлененно) — *приступ боли* — *боли* (не обязательно сильно, но часто или постоянно, т.е. „много” во времени); *волнение*, *мука* (состояние) — *волнения*, *муки* (неоднократные состояния или по разным поводам); *овес* (зерно) — *овес* — *овсы* (на корню, т.е. на определенной площади) — *овсы* (много сортов овса на корню); *кегля* (фигура) — *кегли* (фигуры) — *кегли* (набор для игры) — *кегли* (много наборов) — *кегли* („игра” — Рт). В толковых словарях с их линейной подачей значений такое членение представить трудно, поэтому формы чисел дифференцируются довольно условно.

Форма ед. числа может иметь значение в общем тождественное множественному или иметь значение неопределенности (*дверь* — *двери*, *время* — *времена*, *кружево* — *кружева*, *овес* — *овсы*), но на фоне мн. числа она отражает свет множественности именно как единичность.

Единичность (нерасчлененность) как значение ед. числа реально проявляет

³² А. В. Исаченко, *О грамматическом значении*, „Вопросы языкознания” 1961, № 1, с. 37 - 38.

себя в образовании мн. числа от собирательных существительных (*аппаратуры, клавиатуры* в АГ-80; П. С. Кузнецов в устном выступлении допускал возможность мн. числа от слова *профессура*).

II. Представим суммарно главные положения теории функциональной морфологии А. В. Бондарко, изложенные в разных его работах, и сделаем попытку „приложить” их в категории числа.

МК — это ядро, исходный пункт для выделения так называемой функционально-семантической категории (ФСК). МК числа является ядром ФСК поля квантитативности.

МК ввиду нелогичности, несимметричности организации, бедности формальных средств и перегруженности морфов значениями не может самостоятельно обслужить основные значения категории, а тем более другие типовые смыслы со сходной семантикой.

Поэтому, кроме ядра, обслуживаемого грамматикой, в ФСК входит и периферия. Это открытая система разнородных средств (лексика, словосочетания, словообразование, предикативные единицы и т.д.), которые служат для выражения как основных, так и потенциальных значений категорий³³. Потенциальными значениями МК А. В. Бондарко считает такие вторичные значения, которые содержательно соотносятся с теми значениями, которые выражаются морфологически (как внутренние по отношению к внешним). Они могут дополнять, детализировать и конкретизировать основные значения, быть вообще новыми по отношению к МК (объективных сущностей больше, чем форм), могут быть скрытыми, имплицитными, их трудно назвать лексическими или грамматическими, отличаться нерегулярностью, нестандартностью, хаотичностью³⁴. ПЗ могут выделяться в определенных лексико-грамматических разрядах и в частных лексико-семантических группах (ЛСГ). ЛСГ обнаруживают себя в ходе исследования фактического материала как существенные для МК группировки слов, имеющих общий семантический признак и морфемный показатель (но это не обязательно). Они могут влиять на соотносительность или несоотносительность граммем МК. Их компоненты — это незамкнутые или замкнутые группировки слов или даже отдельные слова. В ЛСГ эксплицируются все те реальные смыслы, которые сопутствуют основному значению МК, представляют собою его варианты, в них выявляются всевозможные отклонения, аномалии, „частные случаи” и т.д.

Для категории числа лексико-грамматические разряды конкретности, собирательности, отвлеченности, вещественности являются слишком большими и общими классами.

³³ См., например, у Л. В. Щербы: „Внешними показателями грамматического значения ... могут быть изменяемость слов и аффиксы, интонация и словоупотребление, вспомогательные слова и синтаксические связи, а также многие иные средства языка” (*О частях речи в русском языке*. В кн.: Избранные работы по русскому языку, Москва 1957, с. 64).

³⁴ А. В. Бондарко, *Теория морфологических категорий*, указ. соч., с. 8 и далее.

В их пределах разные ЛСГ по-разному ведут себя по отношению к основному значению числа. Лакмусовая бумажка на считаемость, числоизменяемость и возникающие при этом смыслы, детализация многозначности имен обоих чисел и оптимальное соотношение значений, учет кванторов единичности и множественности, контекстных средств выражения квантитативного значения и позволяет выделить ЛСГ вариантов значения числа. Совершается обратный ход от отношений между числами — к обобщению ЛСГ, в которых по-разному моделируются количественные отношения: ЛСГ с моделью временной продолжительности природных явлений (*дождь, снег, буря, бурак, метель, поземка*), пространственной „множественности” веществ (*солончаки, глины, болота, пустыни*), продолжительности и интенсивности или видов, поводов состояния (*боли, муки, страдания, неверия, неразберихи, непротивления*), ЛСГ с общим значением места при несчитаемости (*топи, гари, пльвуны, зыбуны*), словарной эквивалентности (*потрох — потроха, кружево — кружева, время — времена*) и многие другие. Неопределенность границ разных ЛСГ, их чувствительность к значению числа и варьирование этого общего значения аналогичны отношениям в словообразовательном процессе.

Существительные St и Pt, при включении их в числоизменение с помощью несловоизменяемых средств, тоже обнаруживают в своем составе множество ЛСГ, проявляющих в связи с особенностями семантики, словообразовательной структуры и степенью дискретности разные способности к аналитическому выражению квалификативного значения числа.

В ЛСГ собирательных и вещественных существительных St выражение квалификативной единичности и множественности осуществляется с помощью кванторов, „строевых” слов (выражение С. Д. Кацнельсона) со значением разновидности (*породы молодняка, виды ельника, сорта синтетики, виды и сорта мрамора, марки стали, пробы золота, породы железняка*), а также родовых обозначений (*вещества, жидкости, лекарства, химические элементы, продукты, почвы, плоды, ягоды, кустарники*). И „строевые слова”, и родовые наименования, имея обе формы числа, „двигают” числоизменяемость слов St аналитическим способом. Необходимость квалификативной дифференциации и ее виды диктуются экстралингвистическими факторами (ср. *глина, золото, нефть — иней, паутина, мякиш, кислятина; молодняк, профессура — гнилье, рухлядь, старье, мешанина, отрепье*), связана с номинативным или пропозитивным типом лексемы.

Традиционное представление слов Pt как семантических групп (считаемые: *брюки, совокупности: деньги, джунгли*; действия — процессы: *нападки, хлопоты, пересуды*; вещества: *белила, хлебопродукты*; отрезки времени: *будни, сумерки, каникулы*), при исключении считаемых, оказывается нерелевантным при включении в аналитическую систему числоизменения, требует перестройки и дальнейшей дифференциации этих групп.

С понятием „один/много” ассоциативно связано значение „часть/целое”,

которое можно считать потенциальным, вторичным значением числа (в работах А. В. Бондарко это значение упоминается). Оно присутствует в счетной разделительной множественности, обнаруживается (независимо от формы числа) в ЛСГ собирательных существительных, выражается словообразовательными и лексическими элементами в ЛСГ вещественных и абстрактных имен, отражая динамический аспект языка, характеризующийся выходом за рамки морфологии, постепенным переходом от грамматики к лексике, выходом в текст. На уровне функциональной среды (а не языковой системы) различные языковые средства выражения этого значения и его аналога вступают в широко понимаемые парадигматические отношения. *Стол* — *столы* (конкретные счисляемые) и *штанина* — *штаны*, *стропилина*, *воротина* (ЛСГ конкретных Рт, которые моделируют аналог отношения „часть/целое” словообразовательно). *Девчата* — *девушка*, *девочка*; *ребята* — *парень* и *девушка*; *людишки* — *человечек*; *древние* — *древний человек*; *домашние* — *близкий человек*, *родственник*, *слуга*; *родители* — *отец* и *мать* (ЛСГ множеств, состоящих из отдельных единиц, дефектных в отношении числа). *Профессор* — *профессура*, *молодое животное* — *молодняк*; *штука белья* — *белье* (в ЛСГ собирательных соотношения единицы и целого зависят от кореферентности множ. числу, от производности и частеречной характеристики мотивирующего, обуславливающей дискретность, от номинативности или пропозитивности значения—ср. разную возможность соотношения с единицей у слов: *пехота*, *старичье*, *периодика*, *мелкота*, *деревенщина*, *вольница*, *паства* — *прихожанин*, *гнилье*, *чтиво*, *рвань*, *поклажа*, *дань*, *поголовье*, *полюдь*, *багаж*, *галантерея*, *бакалея*). *Горох* — *горошина*, *золото* — *слиток*, *мрамор* — *глыба*, *слюда* — *пластинка*, *жидкость* — *капля*; *железо* — *железяка*, *вата* — *ватка*, *дрова* — *вязанка*, *сено* — *охапка*, *ткань* — *лоскут*, *каша* — *одна каша* „порция” (естественные и искусственные квантификаторы в ЛСГ вещественных существительных). *Смелость* — *проявление смелости*, *скрытности*, *отваги*, *коллективизма* и т.д.; *храбрость* — *храбрый поступок*; *тоска* — *приступ тоски*; *злоба* — *злбный выпад*, *выходка*; *хлопоты* — *хлопотное дело*; *полемика* — *прием полемики*; *белизна* — *проблеск белизны*; *аплодисменты* — *хлопок*, *грезы* — *возвышенная мечта* (в ЛСГ абстрактных существительных выступают устойчивые словосочетания с однокоренными словами или условно супплетивные единицы).

Обозначения условной части разноаспектны и отличаются разнородностью средств выражения. Эти числоизменяемые конкретизаторы и „движут” количественные отношения. Обозначение условной части не отличается регулярностью и обязательностью, но ощутимо выступает в языке как проекция отношений „один — много”.

Пути классификации ЛСГ, релевантных для выражения вариантных и потенциальных значений числа, могут быть различны.

III. Выше шла речь о значениях числа, которые относятся к сфере функцио-

нирования потому, что она выявляет их с помощью различных языковых средств, актуализирует тот или иной смысл.

В статье уже высказывалась мысль о том, что числу не следует приписывать тех значений, которые относятся к транспонированию, основанному на сознательном контрасте употребления того или иного члена противопоставления (в том числе и „несловарного“) в позиции другого: обобщенно-собирательное значение ед. числа (*Книга — лучший подарок*³⁵); дистрибутивное (*Собаки бежали, поджав хвост*); обобщенно-множественное (*У меня гости — Петя*); эмоционально-экспрессивное (*...времени нету молока распивать — М. Шолохов*); множественное почтительности и подобострастия (*Уже полковники, а служите недавно — о Скалозубе у А. Грибоедова*) и др.

Это сфера собственно функционирования, и можно, используя опыт классификации значений глагольных категорий, говорить о переносных значениях числа, о замене одной формы другою.

IV. Задачей еще более высокого ранга является исследование функционирования числа в целостном тексте, но методики такого анализа, кажется, еще нет. Такое исследование в объеме микро- и макротекста позволило бы выявить связь числа с пресуппозицией, приемы ввода словоформ в текст, движение их в перспективе дискурса, референтность фрагменту реальной действительности, соответствие интенции автора (и в связи с этим — коннотативные, эмоционально-оценочные обертоны), актуализацию смысла числа в речи, автономность или неавтономность средств выражения, их текстовые парадигматические отношения.

THE QUESTION OF MORPHOLOGICAL THEORY OF CATEGORY OF NUMBER — FUNCTIONAL ASPECT

by

LILIA BYKOVA

Summary

In her article the author made an attempt at a critical analysis of contemporary theory of number and the problem of invariant meaning of number in its two kinds: quantitative and qualitative, which imply appropriate ways of their expression.

The author undertakes the task of separating and delimitating the grammatical aspect from the functional one of this category of number.

³⁵ Материал книги Н. Д. Арутюновой, *Предложение и его смысл* (Москва 1976, с. 325 и далее) убеждает в том, что употребление ед. и множ. числа в обобщенном значении является самостоятельной проблемой и зависит от типа суждений и грамматических структур (ср: Не люблю собак, но Собака) собаки лучший друг человека; отдых с сигаретой — Сигареты — это вредно). См. об этом также у А. К. Поливановой, „Выбор числовых форм существительных в русском языке“ (*Проблемы структурной лингвистики*, Москва 1981, с. 132).